

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В основе монархической государственно-правовой теории лежит православное учение о власти и о её Первоисточнике. Поэтому краеугольным камнем данной теории является идея об объективности права и подчиненной функции государства.

А) Принципиальная нормативность социального поведения

Каждый человек в процессе становления его личности испытывает влияние **уникальной** совокупности лиц, социальных институтов и жизненных обстоятельств. В результате индивидум обладает не только рядом черт, объединяющих его со **всеми** остальными людьми, но и определенными признаками, которые как объединяют его с другими, так и отличают от других. Эти признаки, принадлежа не всем людям вообще, но лишь определенным группам, определяют **особенное** в человеке. В то же время, развитая личность обладает рядом единичных признаков, в том числе единичным набором особенных свойств. Таким образом, каждая личность воспринимает объективный мир субъективно. Данное положение обуславливает **закономерную необходимость** самостоятельности личности, как возможности выбора той или иной модели поведения.

Однако, с той же самой необходимостью человек с самого рождения вступает в определенные отношения с другими людьми, становится частью социального организма, участником коллективной жизни. В этих отношениях человек претендует на определенное отношение другого к самому себе, равно как и другой рассчитывает на определенное отношение к себе со стороны первого. Иными словами, каждый человек во взаимоотношениях с другими людьми имеет в виду определенные правила своего и чужого поведения. Поэтому **социальное поведение является в принципе нормативным.**

Б) Вера как основа правосознания

Наряду с объективным миром материального, данным нам непосредственно в ощущении, и миром идеального субъективного, т.е. нашим мышлением, результатом отражения объективного, существует объективный мир идеального. Этот мир реален, он существует, он не зависит ни от нашего знания о нем, ни от нашего сознания, т.е. он объективен, но он **сам по себе** в ощущении человеку **непосредственно** не дан. К этому миру относятся и **объективные закономерности социального существования человека.** Они существуют независимо от того, имеет человек о них какое-либо представление, и, если имеет, насколько такое представление правильно. Но это совсем не значит, что эти закономерности непостижимы. Более того, они постигаемы настолько, что человек может постичь единый источник этих закономерностей. В области коллективной жизни человека таким источником является нравственный императив, из которого выводятся все остальные объективные нормы человеческого поведения. В Священном Писании эта норма излагается в заповеди Христовой своим ученикам: *"да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга"* (Ин. 13;34).

Таким образом, главной, основополагающей нормой поведения каждого человека является **необусловленное взаимностью максимально положительное** отношение к любому другому человеку. В отличие от распространенного заблуждения нравственный императив требует не адекватного поведения по формуле "поступайте с другими так, как они с вами поступают" или "око за око, зуб за зуб". Суть такой формулы - война всех против всех. Вместе с тем, нравственный императив не требует и поведения по формуле "поступайте с другими так, как **хотите**, чтобы другие поступали с вами". Человек может хотеть, чтобы другие не препятствовали творимому им злу, из чего следует, что и к себе он предъявляет лишь требование игнорирования зла.

Истинное значение нравственного императива заключается в том, чтобы **поступать с другими так, как этого хочет Бог, как Бог, вочеловечившись, поступил ради нашего спасения.** Именно с этим главным требованием к себе должен соотноситься человек

своё поведение в каждой конкретной ситуации, формулируя соответствующую конкретную норму. Сообразовывание же это не может осуществляться вне религиозного переживания Бога, который есть **Любовь**, без **совестного акта** веры. Иначе человек не может принять не одним лишь разумом, но и сердцем главенства нравственного императива, принять его искренне, как собственное достояние, и действительно, как не допускающее альтернатив самовеление. Таким образом, вера в Бога и постоянное слушание Его голоса в человеке - совести, составляет основу представления человека о должных правилах его и остальных людей поведения, основу правосознания.

В) Мораль, право, законодательство, правопорядок

Вся совокупность **объективных** правил должного человеческого поведения составляет область, именуемую **нравственностью**, моралью. Часть этой области, для её реализации которой объективно требуется *помимо прочего* и **применение властной силы** называется **правом**. Зачастую право путают с законодательством. Однако между ними существует известное различие.

Человеческое знание об объективной истине неполно, поэтому отражение такой истины в субъективном сознании может быть неадекватным. Если право представляет собой совокупность **объективных** правил человеческого поведения, то законодательство, как результат человеческой деятельности, представляет собой закреплённую в обычае или законе **субъективно** сформулированную норму, которая с объективной нормой права может совпадать, а может и нет. Законодательство, как правило, регулирует только часть правовой области, оставляя без властного обеспечения другую его часть. Вместе с тем, законодательство, как показывает история развития государства и права, довольно часто выходит за рамки права, вторгаясь как в ту область нравственности, которая не является правом и объективно не требует властного воздействия, так и в область совершенно выходящую за рамки нравственности, за пределы объективно обусловленных правил человеческого поведения. Подобная ситуация предъявляет к законодателю требование о **максимальной адекватности нормы закона и нормы права**. Это требование, может быть, ещё большее, чем требование соблюдать норму закона - требование соблюдать противоправную норму закона есть уже не область права, но область произвола. В то же время, игнорирование властью правомерной нормы закона, аналогично, как и нормы права, есть также акт произвола. Только адекватное отражение в норме закона нормы права и применение при необходимости должной власти для исполнения таких норм свидетельствуют о действительном правопорядке.

Г) Политический режим: государство правовое и тоталитарное. Анархия. Право и государство. Обеспечение правопорядка как основная задача государства

Как говорилось выше, объем законодательства не соответствует объему права. В недостижимом идеале они должны совпадать, но в реальной жизни мы можем видеть **лишь тенденцию**: либо к уменьшению области противоправного законодательства и области властного безразличия, либо к увеличению этих областей, т.е. росту властного произвола. Тенденция, свидетельствующая об уменьшении степени соответствия законодательства праву, является признаком или тоталитарности (увеличение области противоправного законодательства и законоприменения) или анархичности (увеличение области властного безразличия) государства и общества. Обратная тенденция позволяет говорить о государстве, с точки зрения политического режима, как о правовом, т.е. содействующем реализации права. Такое содействие и составляет основную задачу действительного государства. Таким образом, соответствие государства его главной задаче является основным критерием оценки государственного устройства и оправданием государственно-властного принуждения.

Д) Публичность государственной власти. Государство и верховная власть. Формы правления: республика и монархия

Имеется множество определений государства. Однако, поскольку любое определение является неполным, допустимым будет, в том числе, и следующее:

"Государство есть система органов публичной власти". Само значение слова "государство", родственными с которым являются слова "государь", "господарь", "господство", предполагает безусловное наличие такого признака государственности, как власть. Власть заключается в **способности придавать своим велениям обязательный характер.**

Свойством власти государственной является ее публичность, т.е. **общеобязательность** велений, и **суверенитет**, т.е. наличие власти верховной, независимой от других органов или лиц. Способ устройства верховной государственной власти называется **формой правления.**

Существует две основных формы правления: монархия и республика.

Монархия в самом общем смысле есть форма правления, при которой носителем верховной государственной власти является один человек, монарх. Иными словами монархия есть система единовластия. Власть монарха является, в принципе, властью пожизненной и наследуемой в порядке родства по закону или государственно-правовому обычаю. Монархия является властью династической.

Итак, следует определить монархию, как такую форму правления, при которой верховная власть является единоличной, пожизненной и наследуемой.

Верховенство власти Монарха заключается в том, что его веления обязательны для всех государственных органов и подданных, тогда как политическая воля подчиненных властей или подданных не является *юридически* обязательной для Монарха.

Существуют три основных типа монархии: монархия абсолютная, монархия ограниченная и монархия самодержавная.

При абсолютной монархии власть главы государства не ограничена никакой иной волей. Выполнение основной задачи государства в условиях абсолютной монархии есть результат случайный.

При монархии ограниченной монарх не является носителем верховной власти. Такая власть юридически принадлежит соответствующему высшему представительному органу: парламенту, генеральным штатам и т.п., или, по идее, избирающему их «народу». Монарх является главой государства только номинально, символически, в силу традиции. Такая форма, в строгом смысле слова, не является монархической. Она исключает даже и нравственную ответственность монарха за исполнение государством его основной функции. Следовательно, оценка ограниченной монархии принципиально не отличается от оценки республиканской формы правления.

Сущность самодержавной монархии заключается в том, что воля Монарха производна от *воли Божией*. **Самодержавие, по сути, есть богоустановленная, независимая от иной человеческой воли, верховная, единоличная, пожизненная, династически наследуемая по закону власть, выражающая принятый нацией в качестве высшей ценности нравственный идеал, основанный на истине Божественного откровения, и им себя ограничивающая.**

Власть самодержавного монарха, будучи независимой от воли других людей, тем не менее обусловлена и ограничена волей Божией, т.е. самим объективным содержанием государственной власти. Эта объективная воля является, как уже говорилось, первоисточником права. Именно поэтому самодержавная монархия и есть истинная форма государственного устройства, соответствующая главной задаче государства.

Противоположной монархии формой правления является **республика**. Ее принцип составляет декларирование народа, или, если быть более точным, относительного большинства электората в качестве носителя верховной государственной власти.

Основным недостатком республиканской формы правления является подмена объективного источника права субъективной человеческой волей. Ее формирование может происходить под влиянием заблуждения, обмана, угроз или простого случая. Конечно, и воля монарха может подвергаться воздействию этих факторов, однако в условиях самодержавно-монархической формы правления изначально признается объективный источник правовых норм. В республиканском же

государстве, или вернее квази-государстве, «недогосударстве», также как и при монархии абсолютной, источником права принципиально считается исключительно субъективная, человеческая воля. В результате утрачивается понятие об истине, как объективной и абсолютной, т.е. теряется видение самой истины. Право подменяется законодательством, не имеющим объективных ориентиров, законодательством, являющимся по своему в данных условиях свойству результатом *исключительно* произвола. Иначе говоря, если монархия может быть или не быть абсолютной, то **республиканская форма правления есть всегда абсолютизм**, но не абстрактного "народа", а единственного постоянно действующего носителя власти – **бюрократии**, как социальной группы.

Еще одним существенным недостатком республиканской формы правления, даже по сравнению с абсолютной монархией, является полная безответственность как «народа» - провозглашенного носителем республиканской верховной власти, так и избираемых народом, следовательно, под его конечную ответственность, должностных лиц.

Известно, что эмоции при коллективном принятии решений имеют, зачастую, большее значение, чем при единоличном. Обусловливаемое же такими решениями отсутствие индивидуальной ответственности еще более искушает использовать такие решения в своекорыстных интересах, чем уменьшается возможность отразить в нем объективную истину.

Верховная власть в силу самого своего суверенитета обладает юридическим иммунитетом. Ее носитель не подсуден какому-либо государственному органу. Однако, помимо ответственности юридической, существует также ответственность нравственная, как и первая предполагающая наличие *конкретного ответственного* субъекта. В монархическом государстве субъектом нравственной ответственности за решения верховной власти является сам властвующий субъект - монарх. В условиях же республиканских анонимность носителя верховной власти и производность полномочий властей подчиненных от избирающего их абстрактного носителя исключает даже и нравственную ответственность.

Задача же сохранения и укрепления самодержавной власти, задача достижения ею максимально возможного соответствия своему объективному содержанию диктует самодержавному монарху необходимость действовать в направлении обеспечения надлежащего правового режима. Эта задача побуждает монарха избегать произвола при принятии и реализации решений, а также *требовать того же от других*. Монарх, прежде всего, несет ответственность перед Богом. Но он отвечает и перед собственными потомками - будущими главами государства, за состояние государства, полученного от предков, связанных с обладателем власти не только историческими и культурными, но и родственными узами. Монарх несет ответственность и перед народом, но не перед сегодня только живущим населением государства, а также перед прошлыми и будущими поколениями. Иными словами, Монарх ответственен перед нацией, перед национальной идеей, перед деятельной задачей его народа в истории всего человечества. Монарх ограничен не волей народа, но его верой. Именно такой, самодержавно-монархический образ правления, воплощающий в себе принцип максимально возможного совпадения общегосударственных интересов и личных интересов главы государства, а также исключая отвлекающую от решения реальных общезначимых проблем борьбу за власть, наиболее соответствует объективным задачам власти.

Власть же республиканско-демократическая – власть в принципе безответственная, органически несправедливая. Она в своей основе антагонистична государственной и очень быстро обнаруживает свою действительную сущность - открытую либо так или иначе закамуфлированную **бюрократическую диктатуру**.

Е) Власть верховная и её единство. Власти подчиненные и их функциональное разделение. Бюрократия.

Одной из самых популярных республиканских идей является идея разделения властей. Именно она, принимаемая в большинстве случаев чрезвычайно некритически,

как безусловно положительная аксиома, провозглашается одним из главных начал и гарантией так называемой демократии. Однако, если попытаться разобраться в сути республиканской идеи разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, то становится совершенно очевидной ее полная несостоятельность.

В условиях республиканских за отсутствием монарха, как реального, единого и постоянно действующего носителя Верховной власти, **отличного от бюрократии**, функции такой власти осуществляются самой бюрократией. **Единство же верховной власти** бесспорно **вытекает из самого её *верховного* характера**, т.к. **власть не всеобъемлющая уже по определению не есть власть верховная**. Таким образом, действительного, а не формально юридического разделения властей в республиканских условиях нет и быть не может.

В то же время, самодержавная власть не исключает относительного функционального разделения властей, **подчиненных** Верховной. Более того, самодержавие не только не исключает, но и с необходимостью требует такого разделения, как способа предотвращения узурпации Верховной власти бюрократией.

Верховная власть, коей назначение быть всегда и повсюду для того, чтобы повсюду и всегда оказывать свое направляющее действие, и в силу принципа объективных пределов действия одного лица, требует организации механизма правительственной власти. Поэтому власть служащая составляет тот безусловно необходимый и в принципе полезный правительственный механизм, который служит для передачи и осуществления правящей воли. **В этой системе передаточного действия Верховная власть действует также сама, но лишь посредством своих служилых людей, над которыми *сохраняет власть, контроль и право немедленного уничтожения всего ими совершенного не по ее воле и указанию.***

Но должно помнить, что этот механизм, составляются из человеческих существ и организаций, которые имеют также и **свою собственную волю**, свои желания. В человеческом обществе действие передаточного механизма может сопровождаться даже заменой направления воли носителя Верховной власти. Таким образом, в организации правительственной могут появиться силы и принципы даже прямо враждебные данной форме Верховной власти. В известных случаях правительство, организуемое Верховной властью, может стать даже орудием ниспровержения этой Верховной власти, заменяя монархию бюрократической диктатурой.

Именно поэтому **монарх представляет собой единственный властный институт, являющийся принципиальным противником бюрократического произвола** и его неотъемлемых спутников – **коррупции и казнокрадства**, т.к. и произвол, и коррупция и казнокрадство суть посягательство на монархическую Верховную власть.

Узурпация Верховной власти бюрократией с необходимостью ведет к неоправданному сокращению области самостоятельного действия общества и индивида, а также к необусловленному объективно расширению сферы действия чиновного аппарата, в том числе и в области экономической. В этом смысле коррупция, являющаяся необходимым свойством бюрократической диктатуры, есть один способ уничтожения экономической свободы, способ обращения средств производства в пользу бюрократии, внеэкономическими методами присваивающей результаты чужого труда и капиталы, т.е. способом республиканского рабовладения. Самодержавная же монархия, напротив, стремясь нейтрализовать покушение на Верховную власть со стороны бюрократии, всячески заинтересована в поддержании высокого уровня, в рамках объективных закономерностей социального бытия, экономической и иной свободы общества, социальных групп и индивида, т.к. опираться в своей борьбе с бюрократией монарх может лишь на независимого от чиновного произвола, духовно, граждански, экономически самостоятельного и самостоятельного подданного. Таким образом, становится ясной вся ложь бюрократически-политиканских обещаний всеобщего благосостояния и положительная

роль монархии в действительном обеспечении достойного духовного и материального уровня жизни нации.

Примечательно, что, нейтрализуя бюрократическую тенденцию к узурпации верховной власти и максимальному расширению границ государственного регулирования, монархия в её опоре на народ и самоуправление в значительной мере лишает привлекательности государственную службу для тех, кто стремится не столько к службе, сколько к "кормлению". Это обстоятельство, по сравнению с республиканской формой правления, дает монархии преимущество в формировании государственного аппарата более высокого качества.

Управительная власть имеет всегда стремление привести Верховную власть в пассивное состояние, сохранив деятельную роль лишь для себя. Напротив нация, народ, всегда имеет стремление поддержать прямое действие Верховной власти, ибо **лишь проявления Верховной власти защищают народ, нацию от постепенного порабощения правительственными властями.**

Ввиду такого отношения между властью Верховной и управительной, совершенство механизма управления состоит в том, чтобы дать наиболее широкий и легкий способ для контроля и направления Верховной властью всех учреждений. Могущественное орудие Верховной власти в наблюдении за подчиненными властями дает **существование контроля самих подданных за действием служебных органов.** Для такого контроля подданных выработано немало различных способов: а) право апелляции к Верховной власти, б) публичность и гласность действия служебных властей, в) право и возможность обсуждения действия властей в печати, собраниях и т. п. Четвертый способ контроля Верховной властью действия государственного механизма - дает система организации служебной власти на разнородных основах, т. е. **создание общественного самоуправления рядом с бюрократическим,** в результате чего является их постоянная взаимная проверка и критика. Наконец пятый способ состоит в учреждении особого специального органа контроля.

Но наиболее действенный контроль снизу возможен только при наличии прямой и обратной связи Верховной власти с подданными, при непосредственном общении монарха с нацией.

Ж) Монархия и народное представительство. Сословность и партийность. Гражданское общество.

Участие народа во власти в условиях монархической формы правления не только возможно, но и необходимо, и основным способом такого участия является народное представительство. Каким же должно быть такое представительство? Нас приучили к тому, что настоящее представительство неразделимо с многопартийной системой. Однако, представительство, основанное на якобы объединении народа партиями, не объединяет народ с государством, а разделяет его посредством нового, партийного "средостения". Организованная часть партий, партийный актив, всегда ничтожный по сравнению с народными массами, становится единственным действующим лицом в государстве. Таким образом, сфера социальная изолируется от сферы политической. Эта система глубоко антинародна. Поэтому, опираясь не на партии, а на само население и находясь в непосредственном общении с Верховной властью, представительство народа получило бы несравненно более значения и влияния, нежели вечно борющиеся со всеми властями претенденты на присвоение себе Верховной власти. Не искусственно созданные партии, а сам народ, точнее, составляющие его **естественно сложившиеся** социальные группы, самой жизнью созданные **общественные корпорации должны быть представителями соответствующих интересов.**

Одной из замечательных черт монархической государственности является тесная связь власти и **действительной социальной структуры,** связь, достигаемая путем сословной (корпоративной) организации общества, идея которой отнюдь не архаична, а, совсем наоборот, никогда не была такой актуальной, как сейчас.

Наверное, есть мало принципов столь неприемлемых для представителей либеральной мысли, как сословность. Сословное деление общества, как посягательство на начало равенства, составляющее непременную часть демократической триады, для многих недопустимо совершенно, как абсолютное зло. Однако действительное зло коренится не в самом принципе сословности, а в его нарушении.

Расслоение общества на группы и союзы есть общий постоянный закон социальной жизни, и он отрицает мечту общего однообразного уравнивания. Расслоение общества, а, стало быть, и *классы*, является явлением вечным; классы составляют не только продукт социальной жизни, но и условие ее.

Сословие или корпорация по своей юридической природе - это *реальная*, формально организованная *социальная группа*, на членов которой государственной властью возложены определенные, *соответствующие их фактической роли в обществе* обязанности и члены которой наделены необходимыми для исполнения таких обязанностей правами. Различие между классом и сословием, по существу, именно и состоит в том, что сословие есть класс, введенный в круг государственного строения.

Естественно, что каждый общественный класс играет свою роль в социальной жизни и соответственно этой роли наделяется особым правовым статусом. Но в этом нет ничего несправедливого. Принцип дифференциации – одно из непременных начал правового регулирования. О несправедливости можно говорить только тогда, когда объем и виды прав, предоставленных тому или иному сословию, не соответствуют его обязанностям. С подобной ситуацией общество сталкивается при наделении корпораций правами сверх необходимых. Но в этом уже не норма сословной организации, а её нарушение. Примечательно, что **в условиях республиканско-бюрократической диктатуры единственным реально существующим сословием является сама бюрократия**. Это ещё раз подтверждает ту истину, что *если строить государство не на реальном и многообразном социальном строе, то над этими самостоятельными группами людей ставится страшная сила бюрократической диктатуры, которая их неизбежно подавляет и разрушает общество*. Поэтому государству постоянно требуется самая живая связь с социальным строем, чтобы удовлетворить его новым потребностям и поставить государственное действие в соответствие с действительно существующими социальными силами и потребностями их.

Так, что республика отнюдь не есть гарантия от сословности общества, просто существование иных, кроме бюрократии социальных групп властью игнорируется. Монархия же заинтересована в возможности действия всех естественных общественных сил, во всем их разнообразии, за исключением, конечно же, асоциальных.

Безразличное же отношение государственной власти к естественно существующим социальным группам означает лишение таких групп прав, потребных для исполнения их объективной корпоративной роли. Таким образом, предложенное республиканцами построение бессословного общества, игнорирование необходимости представительства интересов **реальных** социальных групп – не менее, а даже более вредно, чем необоснованное наделение того или иного сословия теми или иными правами.

В республике множество реальных, естественных слоев общества, которые объективно должны быть признаны государством в качестве особых корпораций, подменяется партиями, т.е. организациями декларативно бессословными, стремящимися привлечь простое арифметическое число голосов независимо от действительной социальной принадлежности их членов. В силу этого партии, или вернее партийные политиканы – шоу-часть республиканской бюрократии, по определению не могут представлять специально ни одного интереса своих членов или сторонников, обусловленного их определенным объективным социальным признаком, кроме одного – желания властвовать, т.е. желания *реальной* или *потенциальной* бюрократией. Таким образом, во-первых, существует только две партии, независимо от того, на сколько организаций они формально разделены, и, во-вторых, все они выражают интерес только

одного социального слоя – нынешнего или завтрашнего чиновничества, т.е. в действительности существует всё-таки даже и не две, а одна партия. Не удивительно, что программы партий, каждая из которых декларирует стремление выступать в интересах всего общества, похожи друг на друга, как близнецы.

Ввиду этого, чрезвычайно важно определить в чем, собственно, заключается настоящая идея социального, сословного государства. В основе эта идея состоит в том, чтобы естественные классы, естественные группы общества получили от государства делегацию его управительных функций во всех пределах компетенции этих групп; государство же при этом может и должно войти в свою нормальную роль *верховного* направления и согласования этих естественных групп, покинув мелочную регламентацию их жизни, и тем избавившись также от бюрократического характера, столь невыгодно отличающего бессловный. Государство должно разобрать и классифицировать существующие классы. *Государство должно выяснить их групповые, не противоречащие общим, национально-позитивные интересы и восстановить в новых условиях обычное, нормальное строение государства, опирающегося на сословия (какие ныне есть, а не те, которых нет) и действующего через сословия, посредством наложения на них обязанностей, соответственных их природе и силам, а равно предоставляя им и соответственные права.*

Вопрос сословного государства касается самого типа государства и его способов управления. Сущность вопроса о строе сословном и общегражданском сводится к вопросу о том, какая форма правления обеспечивает связь государства и социального строя: монархическая или республиканская.

Сословность объективно и принципиально необходима для связи государства с социальным строем. Однако в республиканских условиях *борьбы за власть* она, как способ интеграции интересов невозможна. Задача интеграции интересов вовсе не в том, чтобы политическую власть дать большинству, как это безусловно предполагает республиканская идея. Для нормального существования общества меньшинство не менее нужно, чем большинство. Да в социальном строе и не одно, а сотни разных оттенков меньшинства и большинства. Поэтому государственным органом интеграции может быть лишь **внесловная, не обязанная своим статусом какому-либо одному или даже нескольким, хотя бы и естественным социальным группам Верховная власть**, которая должна для этого подвести не арифметический подсчет интересов, а тот живой подсчет их социальной необходимости, который не выражается цифрами численности разных групп, а становится ясен лишь при свете цели: общенациональное процветание.

Именно такой властью является монархия, которая не имеет в своей идее тех препятствий к устройению сословного общества, какие имеет республиканская система. В силу этого **именно при монархии возможно нормальное представительство**, отражающие многообразные интересы отдельных социальных групп, а, как следствие, всего общества и каждой отдельной личности – **представительство сословно-корпоративное**. Именно при такой форме представительства социальных групп перед властью внесловного Монарха *исключается возможность властвования одной части общества, искусственно-партийной или естественно-сословной, над другой, подчинения во вред общему делу справедливого интереса одного общественного класса интересу другого.*

Разница между партийным и корпоративным народным представительством гораздо более глубока, чем это может показаться с первого взгляда. **Партийное деление искусственно**, неустойчиво, случайно, основано не столько на интересах избирателей, сколько на случайной, почти рефлекторной реакции "массы", неорганизованной и даже **дезорганизованной**, на инфляцию и кризисы, на войны и демагогию, на разочарование во всем и неверие ни во что. Но если в российском народном представительстве *работают действительно члены естественно, объективно существующих корпораций*, то они будут совершенно точно знать, что им нужно, в чем заключается реальные интересы того слоя

или той группы людей, от имени и по уполномочению которых они выступают. Более того, они действительно будут именно **представлять интересы своих социальных групп**, а не претендовать на "всю власть", как по самому своему существу претендует всякая политическая партия.

Итак, личность, с учетом многообразия её социальных характеристик, объединяющих человека в определенные неформальные или, что лучше, организационно оформленные объективно возникшие сообщества, при рассмотрении конкретных вопросов должна и может быть представлена Верховной власти той или иной своей социальной гранью. И представительство это реализуется через систему корпоративную, в которой при каждом отдельном касающемся того или иного естественного объединения граждан случае, перед Самодержавным Монархом, как единственным свободным от групповых интересов выразителем воли всей нации, непосредственно представляются, прежде всего, интересы наиболее заинтересованных в соответствующем вопросе слоев населения, даже и меньшинства. Объективный интерес меньшинства, да и отдельной личности, не менее важен, чем интерес более многочисленной социальной группы. Система корпоративного представительства позволяет Верховной власти услышать и принять во внимание объективно обоснованное мнение любой социальной группы, а не нескольких сотен человек, составляющих, как это происходит в республике, большинство парламента. При этом совещательный характер такого представительства при общенациональном в лице Монарха арбитре, охраняет общество от того, чтобы одна социальная группа диктовала свою волю другой в ущерб общим интересам. Это-то, как раз и непонятно республиканско-демократической общественности, предпочитающей высшей математике **общенародной солидарности** арифметику социальной борьбы.

Следует совершенно четко себе уяснить, что для Верховной власти необходимо, главным образом, общение не просто с народом, и даже не с любыми, *случайными* представителями составляющих его социальных групп. Самое важное для Монархии в этом отношении представительство перед Государем самого духа народного, представительство нравственного идеала народа. Поэтому Монарху нужны и важны именно те люди, которые выражают то, что думала и хотела бы нация, если бы вся она была на высоте своей собственной идеи, если бы могла разобраться сама в себе, умела бы найти и сформулировать свою мысль. В них Верховная власть может видеть не вечно заблуждающиеся желания и случайные крики толпы, а то, что призвано вести народную массу за собою к созидательной работе на общее благо. И не важно, находятся такие люди в одном зале или нет, и как часто и долго они в этом зале присутствуют.

Нужно также отметить, что корпоративное представительство, а, следовательно, и **монархия, предполагает** и, соответственно, поощряет высокий уровень профессиональной, территориальной и прочей общественной самоорганизации, т.е. **создание и развитие гражданского общества**, принципиально неприемлемого для бюрократии, т.е. для республиканской идеи в её реализации на практике.

3) *Государство и церковь*

Наряду с лозунгом разделения государственных властей республиканскими идеологами выдвигается вторая составляющая принципа "разделяй и властвуй" - идея отделения Церкви от государства. Эта идея с необходимостью вытекает из самой сущности республики, отрицающей объективный источник права. На первый взгляд, идея отделения Церкви от государства представляется в качестве гаранта свободы вероисповедания вплоть до атеизма. На самом же деле, республиканское государство, не ограничивающее себя объективными нормами, претендует на объединение в лице республиканских властей функций и политического образования, и церкви. Но уже не Церкви Христовой, а псевдоцеркви человеконадеяния, т.е. объединение антихристианского, богопротивного, погрязшего в первом грехе человека, поддавшегося дьявольскому искушению "будете как боги, знающие добро и зло" (Быт., 3:5).

Для такого «государства» истинные Церковь и Вера - дело частное и не нужное. Республиканцы внушают, что монархия поддерживает Церковь, а Церковь - монархию для обеспечения собственного существования и власти для себя. Что ж, такая позиция вполне характерна для тех, кто, называя себя демократами и радетелями народных интересов, принципиально считает власть средством для обеспечения благополучия самих самозванных властителей. Однако, союз Церкви и самодержавно-монархического государства, как в теории, так и на практике, в историческом аспекте, совершенно опровергает это республиканское обвинение.

Как **республика**, представляющая силу количественную, непременно **должна** поддерживать условия, при которой количественная сила способна преобладать над другими, т.е. **всемерно понижать нравственный уровень общества**, так и монархия должна заботиться о поддержании и развитии условий, при которых в нации сохраняются живые нравственные идеалы. Монархия по самой сущности своего принципа, прежде всего, нуждается в правильных отношениях с церковью.

Сам факт богоустановленности, производности самодержавно-монархической власти от воли Божией, ограничивающей власть самодержца извне, предполагает не только признание необходимости существования наряду с государством самостоятельной в делах духовных Церкви. Этот факт выдвигает и требование союза, **взаимного согласия и поддержки в достижении общей главной цели власти светской и власти духовной** – цели содействия спасению человека. Союз государства с Церковью достигается подчинением монарха религиозной идее и личной его принадлежностью к независимому от государственной власти объединению верующих.

Согласно правилам логики, критерий оценки должен быть вне оцениваемого предмета. Для того, чтобы духовно-нравственное начало могло быть ориентиром в области политических отношений, источник зарождения и созревания по самому своему существу свободной от человеческого произвола нравственности, каковым, в первую очередь, является Бог, а Церковь её нравственности хранителем, должен быть независим от государства. Единоличная власть способна на деле быть верховною только тогда, когда объединенный в Церковь народ ставит **всеобъемлющий нравственный идеал выше государства**. Если монархия начинает подчинять этику политике, она отнимает у нравственного начала его верховенство, а, следовательно, лишает и себя свойства истинно государственной власти.

Самодержавно-монархическая государственность, осознающая свою главную цель, признает необходимость Церкви безусловной. Духовные дары в людях различны, а между тем целью святости поставлена полнота совершенства, возвращение утерянного вследствие греха полноты образа Божия, как пути спасения. *"Будьте совершенны, как Отец ваш небесный"* (Мф., 5, 48), - гласит Евангелие. Эта полнота оказывается недостижимой иначе как совместной духовной жизнью, жизнью в Церкви, учрежденной Богом, который и является ее Главой, духовным организационным элементом, пребывающим Духом Святым, сошедшим на апостолов и передаваемым священству для всех верующих.

Единство нравственного начала самодержавного монарха и государство-образующей нации есть один из основных принципов самодержавно-монархической государственности. Он требует от власти церковной обеспечения постоянного духовного бодрствования всех членов Церкви, **ясного видения нравственного начала, ограничивающего волю подданных и власть самодержавного монарха**, начала, определяющего их содержание. Он требует также и понимания народом священности, благотворности и неприкосновенности власти Государя. Этот же принцип требует от государства ограждения Церкви от антидуховных внешних посягательств и внутреннего нестроения, со-действия (но не замены) в усилиях, направленных на сохранение нравственного идеала. **Церковь государство-образующего народа должна быть в Империи предметом особой заботы государственной власти**, без ущемления,

естественно, объективных прав других религиозных, лояльных к Православию, организаций.

При этом власти церковные не имеют права принимать решения в сфере, свойственной *исключительно* государственной компетенции ("*Кесарю кесарево и Богу Божие*" - Мф., 22,21). Это, конечно же, не устраняет несомненное право и обязанность Церкви печаловаться, как раньше говорили, Государю по тому или иному вопросу. Осуществление властями церковными, в противоречие данному принципу, функций властей светских ведет к папоцезаризму и утрате свойства добровольности духовного объединения, т.е. ведет к фактическому превращению Церкви в государство.

Государь, в свою очередь, также не вправе принимать единоличные решения в области внутренней жизни Церкви и вероучения. Но быть выслушиваемым по этим вопросам, дабы силою государства воспрепятствовать искажениям Веры, на которой покоится сама власть государственная, Монарх, несомненно, должен. Принятие государством функций власти духовной, именуемое цезерепапизмом, также как и папоцезаристская тенденция влечет замену Церкви государством, включения её в систему государственных органов и, далее, к отделению и упразднению. В обоих случаях, это ведет к подрыву самого государства и превращения его из орудия и подобия Царства Божия в царство произвола. Государство и Церковь в обоих случаях идут к своей совместной гибели.

Воздействие на обладающего свободной волей человека осуществляется двумя основными способами – убеждением и принуждением. Исполнение заповеди любви к Богу и ближнему, поскольку настоящая любовь не может быть неискреннею и результатом заставления, возможно обеспечить только путем благожелательного убеждения, властью примера и авторитета. Это, в основном, прерогатива Церкви.

Обеспечение исполнения заповедей об уклонении от зла, поскольку, воздействуя на тело силою, можно предотвратить или пресечь реализацию злых, греховных помыслов, есть область действия государственного принуждения, а также его угрозы. Поэтому на пути к общей цели, цели содействия спасению человека, обращению его к Богу и Святой Воле Божией, Церковь и государство должны действовать как два относительно самостоятельных в средствах действия, но единых в своей богоустановленности и предназначении, а, следовательно, и взаимодополняющих, взаимоподдерживающих властных образований.

И) Государственное устройство: унитарное государство, федерация, конфедерация, союз государств. Империя. Автономия и самоуправление. Монархия и национальный вопрос. Русская национальная идея.

Наряду с формой правления существенной с точки зрения обеспечения надлежащего правового режима является **форма государственного устройства**. Для однонациональных государств вопрос территориального устройства государства не столь актуален. Для них вполне естественно деление государства на обычные административно-территориальные единицы. Но для государства, в отдельных местностях которого компактно проживают различные, достаточно многочисленные этнические группы, вопрос территориального деления весьма и весьма важен. В республиканском государстве, где стремление к образованию в рамках одного государства нескольких национально-государственных образований с перспективой их дальнейшего политического самоопределения вплоть до отделения, является способом получения и удержания власти местными чиновниками - представителями номинальной нации, соответственно с необходимостью возникает центробежная тенденция. Она развивается от создания автономных национально-государственных образований в рамках унитарного государства к федерации, конфедерации, союзу государств и полному распаду некогда единого государства на противостоящие субъекты международной жизни.

В **унитарном** государстве, имеющем автономные национально-государственные образования, помимо предмета ведения центральной власти имеется предмет совместного

ведения центра и автономии. Тем самым уже ограничиваются права власти общегосударственной, которая уже не есть в полном смысле верховная, т.е. не есть власть именно государственная.

В **федеративном** государстве все государственные дела разделены на предмет ведения центральной власти, предмет совместного ведения центральной и местных властей и предмет исключительного ведения последних. При этом местные власти не вправе вмешиваться в дела, относящиеся к исключительной компетенции центральной власти, а последняя - в исключительную компетенцию местных властей.

В условиях **конфедеративной** формы государственного устройства предмет исключительного ведения центральных властей вовсе отсутствует.

В **союзе государств** все принимаемые союзными органами решения лишь тогда обязательны для соответствующего государства-члена союза, когда оно выразит на то свое согласие.

В противовес центробежной тенденции центральная власть инициирует и поддерживает обратную тенденцию, центростремительную.

Борьба этих двух тенденций, или, что же самое, борьба разнонационального чиновничества за максимально суверенную власть, ведет к появлению псевдонациональных противоречий и разжиганию их в межнациональную рознь, к местному сепаратизму, к общегосударственному и окраинному шовинизму. Представители наиболее многочисленной в рамках всего государства нации, оказываясь национальным меньшинством в границах местного инационального политического образования, сами становятся объектом национальной дискриминации. Однако, в действительности и центростремительная, и центробежная тенденции ведут к ущемлению интересов всех наций.

Борьба за власть, характерная для республиканской формы правления, предполагает максимально возможное манипулирование сознанием электората, как на общегосударственном, так и на местном уровне. Одним из условий такого манипулирования является низкий уровень правовой и являющейся ее основой общей культуры, которая есть основа существования и развития нации. Поэтому республиканцы, на пути к власти, стремятся превратить граждан в сугубо меркантильных маргиналов, не принадлежащих ни к мировой, ни к какой-либо из составляющей первую национальной культуре.

Совершенно другая ситуация складывается в условиях самодержавно-монархической формы правления. Во-первых, такая форма в принципе исключает борьбу за верховную власть, а, следовательно, и борьбу против национальных культур. Более того. Залогом прочности самодержавной монархии является единение монарха и подданных. Это единение зиждется на верности Монарху, верности **сознательной**, полагающей своим фундаментом Веру в общезначимую волю Божию. Поэтому самодержавие заинтересовано в сохранении, развитии и взаимном обогащении культур всех населяющих монархическое государство народов, в том числе, инославных и, даже, иноверных по отношению к самому многочисленному государство-образующему народу. Любая национальная культура, в свою очередь, поскольку она является частью мировой системы **объективно положительных** ценностей, обеспечивает государственную *лояльность* и, как следствие, гражданское равноправие всех подданных самодержавного Монарха без различия по национальному признаку. Все это позволяет самодержавно-монархическому государству существовать в форме **империи, т.е. многонационального унитарного государства без создания внутри империи наделенных самостоятельной исключительной компетенцией национально-государственных территориальных образований.**

В то же время по тем же самым причинам в условиях самодержавной монархии самым широким образом развивается система национально-культурной автономии.

Таким образом, **самодержавно-монархическая власть является единственной действительной гарантией уважения самобытности, сохранения и развития культуры**

поданных всех этнических групп, единства и дружбы народов. Напротив отрицание самодержавной формы правления, использование национальной формы политической борьбы ведет к разобщению, разращению и гибели наций.

Естественно, что не меньшее, а, по справедливости, даже большее внимание и заботу самодержавный Монарх уделяет интересам того народа, который создал империю, история которого является неотрывной от истории самого государства. Прежде всего, это относится к Церкви, как духовному объединению нации и хранительнице общего для Самодержца и большинства его подданных нравственного идеала.

Русская национальная идея совсем не исчерпывается любовью к культурному и духовному своеобразию русского народа. Аналогичное чувство присуще, в принципе, всем этническим группам, даже и не достигшим уровня нации.

Национальная идея может осознаваться только через призму **вселенскости**. Если в силу исторической судьбы тому или иному народу поставлена та или иная задача, значимая для всего человечества, это значит, что этот народ имеет свою национальную идею. Идея эта, в сущности, и состоит в служении этой задаче. В этом смысле не все народы и не всегда обладают своей собственной национальной идеей. И в этом смысле у одного и того же народа, совокупности всех его поколений, вчерашних, сегодняшних, завтрашних, не может быть нескольких национальных идей.

В чем же собственно состоит русская национальная идея? Это не идея мирового господства или господства над другими народами. Это идея служения – служения Богу и миру. Именно перед русским народом история поставила эту задачу. *"Вы - свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного"* (Мтф. 5; 14-16).

Эти слова Спасителя, обращенные к Его ученикам, стали до скончания века заповедью для русского народа, заповедью вселенского значения. Не все народы одинаковы для *национального* служения этой заповеди. Ни Болгария, ни Сербия, ни Греция, ни Грузия, ни Румыния в силу исторических своих судеб не могли и не могут, конечно же, в той мере, как Россия, быть носителем этой идеи на державном уровне.

Уникальность российской государственности – Самодержавная Православная Монархия, основанная на христианских началах симфонии, неуклонно на протяжении веков хранилась в народном сознании как дар Божий. Именно она связала русский народ, народ-Церковь, со вселенской задачей явления света Истины миру, во имя его спасения. Явления не только, к сожалению, примером твердого стояния в Правде, но и примером тяжких последствий отступления от Неё.

Историческая задача русской нации, обусловленная Православием и Самодержавием и обуславливающая хранение святынь Веры и Державности как составляющих этой задачи, определило и своеобразие действительного русского патриотизма. В отличие от патриотизма других народов, от идей национального изоляционизма или национального паразитизма, **русский патриотизм есть патриотизм империалистический, имперский.**

Никакая империя, а наша страна была таковой фактически с самого момента возникновения русского государства, не существует без своего национального стержня, государствообразующего народа. Именно национальная идея этого народа и является тем, что определяет основную задачу империи. Но это не значит, что иные народы империи на этом основании могут подвергаться ущемлению в своих правах по этническому или вероисповедному признаку. Русская национальная идея, жертвенная идея служения человечеству, есть идея безусловно положительная и в силу этого не противостоит духовным ценностям других народов. В межэтническом аспекте русская, имперская национальная идея обуславливает лояльность со стороны империи: к русскому народу - его *служением* поставленной перед ним задаче (принцип "Русские для России"), к иным же народам – *лояльностью, но не обязательно служением* этой задаче. Мощь, являющаяся

результатом такой взаимной лояльности, не покушаясь на культурно-духовное своеобразие и материальное благосостояние составляющих империю этносов, обеспечивает всем им равную защиту от внешних и внутренних посягательств. Этим, в частности, оправдывается необходимое для обеспечения такой мощи единство страны.

К) Значение династичности для монархической власти и её преимуществ. Критика идеи личных способностей. Престолонаследие. Легитимизм. Статус Династии в республиканских условиях.

Как уже говорилось, монархическая власть является властью пожизненной и наследуемой по закону. Эти два её свойства также неотделимы от принципа самодержавия, как и свойство верховенства.

Многие именно в принципе династичности видят слабую сторону монархии. По их мнению, замещение верховной власти не по способности, а по случайности рождения ставит судьбы народа в зависимость от случайности: может родиться гений, но может родиться и малоспособный. Однако **форма правления не может быть основана на такой случайности, как гениальность правителя.**

Способности монарха, действительно, есть дело случайности. Но, как показывает нам история, *республика вовсе не является гарантией гениального управления.* В монархии, неуклонно следующей своим принципам, гораздо больше условий для нормального управления. Законный наследник престола, да и сам монарх может быть человеком средних способностей, и даже ниже среднего. Но **общее устройство управления в чистой, неизвращенной монархии таково, что судьбы государства не зависят от одних способностей носителя верховной власти.** Самое главное в том, что династичность обеспечивает постоянство и незыблемость верховной власти, и ее обязанность **выражать дух нации**, живущий во всех поколениях, как монархов, так и подданных, а не только личные особенности государя. Поэтому от личности монарха требуются не какие-либо исключительные таланты, но всецелая и бесспорная посвященность именно своей миссии. Такую посвященность обеспечивает династичность, наследуемость власти в одном роде. Посредством династии, единоличный носитель верховной власти становится как бы бессмертным, вечно *живущим с нацией.* Таким образом, совершенно закрепляется единство монарха и подданных. Это единство требует от подданных полной самоотдачи в служении Государю, от Монарха же – выбора себе сотрудников по их нравственным качествам и практическим способностям. Это же единство и дает к тому возможность. Династичность обеспечивает свободу государя от иных социальных сил, т.е. придает ему свойства именно верховной власти. Она же обеспечивает свободу от всякого личного стремления к верховной власти и партийной борьбы. Таким образом, именно династичность обеспечивает единство и нации и государства.

Пожизненность полномочий обеспечивает отношение носителя суверенной государственной власти к своему долгу, как делу всей жизни. В этом ее отличие от власти, например, президента республики, для которого власть есть, в известном смысле, результат случая и лишь более или менее продолжительный эпизод. Пожизненный носитель верховной власти в силу постоянного характера своих полномочий избавлен от принципиальной борьбы за власть, борьбы, сопряженной со всей ложью и грязью, присущей республиканской бездуховной антицивилизации.

Монарх от рождения, ещё будучи наследником престола, наделен всем тем, к чему может стремиться для себя, например, любой президент. Наследник Престола, потом обладатель Престола, ставится в такие условия, при которых соблазны сводятся, если не к нулю, то к минимуму. Он заранее обеспечен всем. Он есть Единственный, Имеющий Право на Верховную власть, - отпадает конкуренция и всё то, что с нею связано. Всё организовано так, чтобы личная судьба индивидуальности была спаяна в одно целое с судьбой нации. Всё то, что хотела бы для себя иметь личность, - всё уже дано. И личность автоматически сливается с обществом. Всё это гораздо важнее, чем сомнительная

«гениальность» правителя, вынужденного постоянно и зачастую «гениальным» террором доказывать своё постоянно же оспариваемое превосходство. Власть монарха должна быть не властью «гения», со всеми свойственными гениальности «заскоками», а властью среднеразумного человека над среднеразумными людьми.

Представляя в принципе избранника Божией воли, стоящей выше него самого и нации, Монарх по идее своего положения свободен от всякого личного стремления к власти, и, точно также, не обязан ею никакой человеческой воле. Династичность устраняет всякий элемент искания, желания власти и, даже, просто согласия на власть. В результате власть осознается Монархом как, прежде всего, обязанность, и, потом уже, как необходимая для исполнения обязанности, свобода. Такое сочетание, несомненно, отсутствует в условиях республиканских.

Постоянство власти требует, чтобы всегда имела личность, не возбуждающая никаких споров и сомнений относительно своих прав и в силу самого рождения специально предопределенная и с рождения же подготавливаемая к царскому служению. Поэтому духовно здоровая нация стремится жить с одной царствующей семьей, которая передает своим членам от поколения к поколению задачу хранения нравственного народного идеала, вызвавшего к жизни государство, как форму политической организации нации.

Династичность обеспечивается, прежде всего, строгим, в принципе незыблемым порядком престолонаследия. Без этого династичность теряет значительную долю своих полезных последствий, так как лишь сокращает, но не уничтожает искание власти и борьбу за власть. Для монархии нет такого зла, которое было бы хуже нарушения законом установленного порядка наследования престола, т.е. нарушения легитимности, ибо при внешнем сохранении монархических атрибутов, в условиях игнорирования легитимности монархия фактически исчезает.

Строгое же соблюдение принципа легитимности даже и в случае преступного устранения династии от реальной власти обеспечивает возможность восстановления власти законного монарха. Даже и в условиях республики, нецарствующая династия объективно, независимо от признания бюрократией, в принципе сохраняет статус государствовподобного публично-правового образования, корпорации публичного права, действующей на основании собственных династических законов. В любой момент при наличии для того соответствующих уровня духовно-нравственного состояния нации и волеизъявления глава династии, как исторической институции, может быть призван к исполнению долга своего монаршего служения. Отрицание этого факта сторонниками республиканской *теории* уважения к народному выбору, абсурдно и показательно.

Л) Обязанности и права верноподданных, их корреспонденция и взаимная обусловленность. Монархия и личная свобода

Монархическая форма правления, не только не противоречит идее свободы, но и **является наилучшей для осуществления свободы на деле.**

Свобода гражданина, говорят либералы, простирается до тех пределов, за которыми она задевает чужое право. Отсюда вывод, что человек свободен тем более чем меньше прав у других людей. А так как при общем равенстве человек имеет те же права, что и другие, то и выходит, что человек тем свободнее, чем меньше у него прав, или чем больше у него прав, тем менее он свободен. Эта очевидная нелепость показывает, что в республиканском понятии о свободе кроется кардинальная ошибка. Такая неспособность к правильному пониманию свободы есть, прежде всего, следствие абсолютизации гражданской и политической свободы, их рассмотрение в отрыве от внутренней свободы, свободы личности. Именно из последней проистекает всякая другая, внешняя свобода.

Во внешнем мире, в общественном своем бытии, человек как индивид может быть более или менее свободен, в том смысле, что он может более или менее свободно распоряжаться устройством своей жизни, но человеческая личность не может быть свободна "более или менее". Свобода с характером абсолютным существует только в

личности, но не в обществе. В жизни гражданской и государственной по самой природе вещей этого быть не может. Общество в действительности всегда было, есть и будет построено на расслоении людей, на присутствии авторитета, власти и подчинения, на известной системе уравнивающих неравенств. Общество и государство суть явления мира необходимости, а не свободы.

Свобода же личности, вообще говоря, обеспечивается не столько какими-либо формами хорошо или плохо устроенного общества, а, прежде всего, - потребностью личности в свободе, то есть, другими словами, *развитостью личности*. Если со стороны личности нет постоянного напряженного спроса на самостоятельность, то её права могут суживаться до ничтожных размеров. Положительное явление, порождающее гражданскую свободу, - это наша свободная личность, *личность, взятая во всей её полноте, не только в отношениях к социуму, что характеризует лишь абсолютизируемого либералами индивидуума, но также в отношении человека к самому себе и, конечно же, к Богу*.

У человека нет прав в отношении Бога. **То, что в отношении личности к самой себе является свободой, то в отношении Бога является долгом.** Духовная свобода неразрывно соединена с чувством обязанности, долга, вследствие чего личность не только имеет потребность проявлять себя, но не может поступиться ничем для этого необходимым. Это обстоятельство делает невозможным отказ от права, необходимого для исполнения долга. Поэтому приоритет в отношениях между людьми, а равно в отношении между гражданином и государством, имеют обязанности. Субъективные права, таким образом, предоставляются только для обеспечения возможности беспрепятственно эти обязанности исполнять. Объем прав, в свою очередь, зависит от того, надлежащим ли образом человек и гражданин, а также государство исполняет свои обязанности, не злоупотребляют ли они правом. Иными словами права человека и гражданина не могут рассматриваться в отрыве от категорий добра и зла.

Атеистическая либерально-республиканская идеология провозглашает первенство прав человека и гражданина. Но в силу практического воплощения этой теории на практике в виде бюрократической диктатуры, на деле отрицается и свобода гражданина, сведенная к подаче голосов при ограниченном бюрократией выборе, и свобода человека. Стремясь к понижению уровня нравственного здоровья общества, республика ведет к *утрате человеком ясного видения объективно детерминированного добра и зла*.

Даже и в юриспруденции действия под влиянием заблуждения квалифицируются, как совершаемые в результате искажения истинной воли. Таким образом, уже и в области гражданских прав понятие свободы соотносится с понятием истины. Свободен не любой выбор, а выбор нравственно-сознательный, выбор истины, реальности, не только существующей независимо от нашего сознания, но и являющейся, с точки зрения духовно-нравственной, абсолютной и положительной ценностью. Нельзя ставить знак равенства между свободой выбора и свободой выбора между добром и злом. У человека есть возможность, но нет права выбора зла. **Свобода** есть самоподчинение Богу, **нравственное самоопределение личности**, добровольное, духовно и нравственно зрячее самоограничение. Свобода есть действие, совершаемое в результате выбора, ответственного перед Богом. Для игнорирующей волю Божию республиканской формы правления обеспечение свободы есть случай, а нарушение свободы – закономерность, для монархии же, наоборот, обеспечение свободы, и внутренней, и гражданской, принципиальное правило, вытекающее из существа монархического принципа.

М) Судьбы монархического принципа

Для предположений о судьбах политических принципов власти больше всего имеет значение анализ их **внутренней политической способности** в связи с задачами развития или даже существования нации. Властвующим принципом будущего всегда явится тот, который наиболее способен осуществить эти задачи, и, рассматривая современный исторический процесс, весьма вероятно ожидать возрождения монархического принципа.

Прежде всего, то, что стремился с 1917 года уничтожить русский народ, в отличие от либеральничавших политиканов, было не монархией, а *бюрократическим произволом, необоснованно связываемым с монархией*. Но республика оказалась совершенно несостоятельной для обуздания бюрократического абсолютизма, более того, она этот абсолютизм довела до крайних, действительно губительных для нации масштабов. И в начале XXI века республика также не смогла создать других орудий управления, кроме своего "многопартийного представительства", которое обнаружило неудержимые стремления к узурпации народной власти в руках профессиональных политиканов и всё тех же бюрократов. Ни довольства этой формой правления, ни доверия к ней нет; насущные задачи нового общества - примирительная организация расчленивших его социальных слоев - не осуществлена, и внутренние социальные противоречия, грозящие окончательной "социальной ликвидацией", только обостряются. А между тем монархическая власть *по свойствам* своим могла бы за это взяться, если бы народное чувство снова дало ей на это возможность. Обязанность всех честных и разумных людей состоит в том, чтобы всячески содействовать объективному, исторически обоснованному и политически реальному решению освободить наше Отечество от опасности самоуничтожения.

Основная причина современного российского кризиса заключается не только в столкновении социальных интересов, но и, прежде всего, в невероятном падении общественной морали. Лишь совместные и однонаправленные усилия государства и Церкви могут обратить процесс одичания вспять. Но к этому способно не любое государство, а Православная Самодержавная Монархия, государство принципиально и объективно Церкви союзное.

Русская монархическая идея сегодня также полностью подчиняется этому историческому требованию нашей эпохи. В этом ее первая и священная обязанность.